

КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Сергей Патрушев

Королевская кровь

«Автор»

2026

Патрушев С.

Королевская кровь / С. Патрушев — «Автор», 2026

Принцесса Элизабет задыхается в золотой клетке дворца. Этикет, фальшивые улыбки, бесконечные смотрины женихов её удел. Внутри неё бурлит запретная сила: древняя королевская кровь, грозящая сжечь её изнутри, если не найти выход. Тайное приглашение от мага Кайруса Теневого Шага меняет всё. Элизабет узнаёт, что её кровь не просто привилегия, а ключ к древним разломам, сдерживающим Изначальное Зло. За этим ключом охотятся те, кто готов уничтожить мир ради власти. От изнеженной принцессы до легендарной защитницы. Путь Элизабет лежит через боль, потери и жестокие уроки смирения. Ей предстоит научиться слышать мир без магии, принять цену силы и сделать выбор, от которого зависит судьба королевства.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Позолоченная клетка	5
Глава 2. Цена крови	15
Глава 3. Уроки смирения	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Патрушев

Королевская кровь

Глава 1. Позолоченная клетка

Запах воска, лилий и пудры — вот из чего состоял воздух Элизиума. Этот аромат, призванный олицетворять чистоту, невинность и божественное благословение короны, для Элизабет давно стал синонимом удушья. Он пропитывал каждую портьеру, каждый гобелен, каждый вдох, словно невидимая патока, обволакивающая и лишаящая воли. Она стояла у высокого стрельчатого окна, оплетенного свинцовыми прожилками переплета, и смотрела вниз, на внутренний двор, где садовники, похожие отсюда, с высоты четвертого этажа, на декоративных жуков, сновали между кустами, подстриженными в форме геральдических грифонов. Каждое движение их ножниц было выверено до миллиметра, каждый лист, казалось, занимал свое место по негласному, но строжайшему указу, нарушить который было бы святотатством. Даже природа здесь, в самом сердце королевства, была закована в кандалы порядка.

Деревья не смели расти так, как им вздумается, их ветви были послушны воле садовников, их кроны были подстрижены в форме идеальных геометрических фигур, а цветы на клумбах высажены с такой точностью, что казались нарисованными искусной рукой художника, а не выросшими из земли живыми существами. Элизабет часто думала, что если бы она была деревом, то уже давно засохла бы от невозможности расти в том направлении, куда тянется её сущность, а не туда, куда указывает рука садовника.

Её собственные покои были не менее совершенны и не менее бездушны. Стены, обитые бледно-голубым шелком с вытканными серебряной нитью лилиями — символом их династии, — мягкий, рассеянный свет магических светильников, льющийся из хрустальных чаш, подвешенных к потолку на тонких цепочках, мебель из белого лакированного дерева с изящной позолотой, подушки, расшитые жемчугом, и ковры такой мягкости, что ноги утопали в них, как в облаке. Всё здесь кричало о статусе, о богатстве, о недостижимой высоте, на которой она родилась и на которой, по замыслу судьбы, должна была провести всю свою жизнь. Но Элизабет чувствовала себя не принцессой, а экспонатом в этой идеальной шкатулке.

Драгоценной куклой, которую выставляют на обозрение, чтобы гости восхищались её красотой и покладистостью, но которую никто и никогда не спрашивает, чего хочет она сама. Позолоченная клетка, где прутья были искусно замаскированы под цветочные гирлянды и ажурную резьбу, а дверца заперта на замок, ключ от которого хранился у короля, у королевы-матери, у всего двора, у всех, кроме неё самой. И самое страшное, что она даже не знала, где находится этот замок, чтобы попытаться его взломать.

Она провела рукой по прохладному стеклу, оставляя на нем едва заметный след, который тут же исчез, как исчезает дыхание на морозе. Стекло было идеально чистым — слуги мыли его каждое утро, — и в нем отражалось её собственное лицо: бледное, с правильными, аристократическими чертами, доставшимися ей от матери, с высокими скулами, которые придворные льстецы называли "изящными", а она сама считала слишком острыми, с пухлыми губами, которые ей полагалось держать сжатыми в вежливой полуулыбке, и с глазами, цвет которых менялся в зависимости от освещения, от почти прозрачного голубого до глубокого сапфирового, как море перед штормом. В этих глазах, как в зеркале, отражалось всё её внутреннее смятение, вся та буря, что бушевала у неё в душе, несмотря на внешнее спокойствие. Но никто, к счастью, не умел читать по её глазам. Или делал вид, что не умеет. При дворе вообще было принято не замечать того, что может нарушить привычный порядок вещей, а истинные чувства принцессы, разумеется, были именно тем, что нарушало этот порядок.

Ей было девятнадцать. Возраст, когда кровь должна кипеть от предвкушения жизни, а мысли — витать в облаках грёз о великой любви, о дальних странствиях, о подвигах и приключениях. Она читала об этом в книгах — тех немногих романах, которые ей тайком приносила одна из младших фрейлин, прежде чем её перевели в другое крыло дворца за излишнюю болтливость. В этих книгах героини, такие же юные девушки, как она сама, переодевались в мужское платье и сбежали из родительских домов, чтобы следовать за своими возлюбленными, чтобы участвовать в битвах, чтобы увидеть мир, раскинувшийся за пределами их привычного существования. Элизабет проглатывала эти страницы с жадностью умирающего от жажды, который наконец-то нашел источник воды. Но вода эта была отравлена: она лишь разжигала в ней голод, который она не могла утолить, лишь усиливала боль от осознания собственного бессилия. Вместо этого её кровь кипела от другого — от магии, что текла по венам, словно расплавленное серебро, ища выхода и не находя его. Это было сродни постоянному, изнуряющему зуду, который она не могла унять, который преследовал её днем и ночью, во сне и наяву.

Она чувствовала её биение в кончиках пальцев, её гул в висках, её жар в груди, когда мимо проходил кто-то из придворных магов с их вычурными жезлами и мантиями, расшитыми рунами, или когда она случайно касалась древнего камня дворцовых стен, хранящих эхо тысяч заклинаний. Сила рвалась наружу, дикая, необузданная, первобытная, но её приходилось сдерживать, заковывать в броню этикета и безразличия, прятать за вежливой улыбкой и пустым взглядом. Принцесса не должна колдовать. Принцесса должна быть украшением. Принцесса должна молчать, улыбаться и ждать, пока её не выдадут замуж за наиболее выгодного союзника короны.

Это негласное правило, вбитое в неё с самого детства, было хуже любой тюрьмы. Оно было внутри неё самой, въелось в плоть и кровь, стало частью её существа. Каждый раз, когда она ощущала прилив силы, каждый раз, когда магия грозила вырваться из-под контроля, она слышала голос своей наставницы по этикету, старой карги по имени мадам Гризельда: "Леди не проявляет эмоций, Ваше Высочество. Леди не повышает голоса. Леди не бежит, не смеется слишком громко, не смотрит в глаза мужчинам, не говорит о своих желаниях. И уж тем более, леди никогда, никогда не колдует без разрешения Совета". Это "никогда" звучало как приговор. Её магия, её сущность, была объявлена вне закона в её собственной жизни.

Она помнила тот день, когда впервые осознала, что её дар — это не благословение, а проклятие. Ей было тогда лет семь или восемь. Она играла в саду, в том самом, что сейчас был так идеально подстрижен, а тогда казался ей безграничным лесом, полным тайн и чудес. Она бежала по тропинке, преследуя красивую бабочку с переливающимися крыльями, споткнулась о корень дерева и упала. Она ободрала колено до крови, и от боли и обиды из неё вырвался крик — но не обычный детский плач, а нечто большее. Из её ладоней вырвалась волна энергии, которая ударила по ближайшему дереву и расщепила его надвое, словно молния. Она сама испугалась не меньше, чем нянька, которая стала свидетельницей этого происшествия. Нянька, побелев от ужаса, схватила её на руки и побежала во дворец, где немедленно доложила обо всем королю и королеве-матери. В тот вечер Элизабет впервые узнала, что её магия — это не то, чем можно гордиться, а то, что нужно скрывать.

Тщательно и любой ценой. На следующий день мадам Гризельда уже давала ей первые уроки "сдерживания", которые, по сути, были уроками самоотрицания, уроками того, как игнорировать зов собственной крови, как душить собственный голос, как убивать в себе то, что делало её живой. И она научилась. О, она научилась это делать так хорошо, что временами сама начинала верить в то, что ничего не чувствует, что ей ничего не нужно, что она счастлива в своей позолоченной клетке. Но магия всегда возвращалась, врываясь в её сознание, как непрощенный гость, и напоминала о себе с новой силой, от которой невозможно было отмахнуться.

Легкий, но настойчивый стук в дверь заставил её вздрогнуть и оторваться от созерцания геометрически идеального сада. Она знала этот стук. Он был частью ежедневного ритуала, такого же неотвратимого, как восход солнца. Три удара, пауза, затем еще два. Так стучала только леди Маргери, её старшая фрейлина. Этот стук был отточен годами службы, и в нем не было ни капли теплоты или участия, только профессиональная вежливость, граничащая с холодностью. Элизабет ненавидела этот стук. Он означал, что её краткая передышка окончена, что пора снова надевать маску и выходить на сцену.

— Войдите, — произнесла она, не оборачиваясь, уже зная, кто это.

Дверь открылась с тихим, хорошо смазанным скрипом, который, казалось, был еще одной деталью этого безупречного механизма, называемого жизнью принцессы. На пороге возникла фигура леди Маргери, её старшей фрейлины и, по совместительству, цербера, приставленного королевой-матерью. Маргери была воплощением всего, что Элизабет ненавидела в придворной жизни: безупречная осанка, прямая, как древко копья, спина, вежливая улыбка, не достающая глаз, и голос, похожий на журчание ручейка, в котором, однако, при малейшем неудовольствии слышался отчетливый звон стали.

Она была на двадцать лет старше Элизабет, но выглядела так, будто время не имело над ней власти, застыв в вечной, холодной красоте, которая казалась скорее пугающей, чем привлекательной. Её темные волосы были всегда уложены в идеальный пучок, а серые глаза смотрели на принцессу с той смесью почтения и снисходительности, которая ясно давала понять: Маргери здесь главная, а Элизабет — лишь подопечная, за которой нужно присматривать. В каждом её движении, в каждом жесте, в каждом слове чувствовалась несокрушимая уверенность в собственном превосходстве, та самая уверенность, которую даёт лишь полное и безоговорочное подчинение существующему порядку вещей. Маргери никогда не задавала вопросов. Она просто выполняла приказы. И в этом была её сила и её ущербность одновременно.

— Ваше Высочество, — Маргери присела в идеальном реверансе, таком глубоком и выверенном, что это само по себе казалось насмешкой над несовершенством мира. — Портной прибыл для финальной примерки платья к сегодняшнему балу. Королева-мать также велела напомнить, что вы должны поприветствовать послов из Тирской марки лично. Она выразила надежду, что вы будете столь же обворожительны, как и всегда, и что вы окажете им теплый прием, достойный их положения.

Тирская марка. Элизабет мысленно поморщилась, но не позволила себе проявить ни малейшего недовольства. Она знала, зачем прибыли эти послы. Они уже вторую неделю вели переговоры с её отцом о торговом союзе, и одним из пунктов этого союза, как она подозревала, была её собственная рука. Тирский герцог был стар, но его наследник, молодой лорд Освальд, как раз достиг брачного возраста. И то, что он был известен своей неприязнью к магии, своим грубым нравом и пристрастием к крепким напиткам, вряд ли кого-то волновало при дворе. Главное — политическая выгода.

Главное — союз. Главное — укрепить границы и получить доступ к тирским серебряным рудникам. Она была пешкой в этой игре, и пешкой ценной, потому что её дар, даже незадействованный, даже подавленный, делал её привлекательной партией для тех, кто хотел бы иметь в своем роду магическую кровь. Или для тех, кто, напротив, хотел бы заставить её молчать и никогда не использовать эту кровь. В любом случае, её мнение никто не спрашивал. И в этом была вся суть её существования.

Элизабет медленно повернулась. Она знала, что выглядит безупречно: платье из тяжелого аквамаринового бархата, расшитое по подолу и лифу мелким речным жемчугом, туго затянутый корсет, который делал её талию неестественно тонкой, волосы, уложенные в сложную прическу, над которой её камеристки трудились два часа, вплетая в локоны серебряные нити и крошечные сапфиры, под цвет глаз.

Маска принцессы. Она надела её, как только проснулась, и не снимала до самого вечера, пока не оставалась в одиночестве. Эта маска была её щитом и её тюрьмой одновременно. Она защищала её от чужих взглядов, от ненужных вопросов, от подозрений, но она же и не давала ей дышать, потому что под маской не было воздуха, под маской была лишь пустота, заполненная ожиданием момента, когда можно будет наконец сорвать её и остаться наедине с собой.

— Разумеется, леди Маргери, — её голос прозвучал ровно, без единой эмоции, без тени раздражения или скуки, которые она испытывала на самом деле. — Я готова.

Готова. Это слово она повторяла так часто, что оно потеряло для неё всякий смысл. Готова к чему? К очередной примерке, к очередному балу, к очередным смотринам, к очередной встрече с людьми, которые видят в ней лишь объект для торговли? Она была готова ко всему этому, потому что у неё не было выбора. Но где-то глубоко внутри, в самом дальнем уголке её сердца, всё ещё тлела искра надежды, что когда-нибудь слово "готова" будет означать нечто иное. Готова к свободе. Готова к жизни. Готова к тому, чтобы быть собой.

Послы из Тирской марки. Очередные старики с одутловатыми лицами, красными от вина и подагры, и сальными взглядами, которые будут оценивать её, как породистую кобылу на ярмарке, прикидывая, сколько политических выгод принесет её брак с их наследником. Или, что ещё хуже, их сыновья — напыщенные юнцы, говорящие исключительно о турнирах, охоте и собственных подвигах, большая часть которых, несомненно, была выдумана или, в лучшем случае, сильно преувеличена. Смотрины.

Это слово, словно яд, отравляло каждый её день, каждый час, каждую мысль о будущем. Король, её отец, был одержим идеей выдать её замуж за наиболее выгодного союзника. Дочь — это не наследница, дочь — это разменная монета, инструмент в большой политической игре, пешка, которую можно пожертвовать ради укрепления границ или заключения выгодного торгового договора. И чем старше она становилась, тем сильнее ощущала, как вокруг неё сжимается кольцо этих самых "смотрин", как сужается круг потенциальных женихов, как растёт давление со всех сторон.

Её время истекало, и она это знала. Каждый прошедший год приближал её к тому моменту, когда отец наконец примет решение, и она будет вынуждена отправиться в дом незнакомому мужчине, чтобы жить там в качестве его собственности, его трофея, его украшения. И тогда даже эта позолоченная клетка покажется ей раем, потому что новая клетка может оказаться куда более тесной и куда менее позолоченной.

Она прошла мимо Маргери, не удостоив её взглядом, и направилась в гардеробную, где её уже ждали портной, его подмастерья с булавками и ножницами, и камеристки, готовые в любой момент прийти на помощь. Следующие два часа превратились в пытку тканью, булавками и бесконечными указаниями. Платье для бала было настоящим произведением искусства: переливающийся шелк цвета лунного света, расшитый тысячами крошечных кристаллов, которые вспыхивали при каждом движении, словно звезды на ночном небе. Оно было прекрасно. И совершенно, до отвращения, неудобно. Корсет сжимал ребра так, что каждый вдох давался с трудом, а тяжелые юбки, казалось, весили целую тонну, приковывая её к полу, лишая возможности не то что бежать, но даже просто двигаться свободно.

Это платье было еще одной метафорой её жизни: снаружи — блеск и красота, изнутри — удушье и несвобода. Каждый шов, каждая складка, каждая бусинка этого наряда были призваны подчеркнуть её статус, её принадлежность к правящему дому, но в то же время они были и цепями, которые приковывали её к этому статусу, не давая возможности вырваться. Она стояла неподвижно, как манекен, пока портной, сухонький старичок с бегающими глазками и дрожащими руками, прикалывал булавки к подолу, а его подмастерья, такие же суетливые и молчаливые, как мыши, поправляли складки, затягивали шнуровку, одергивали кружева. И все это время леди Маргери стояла в углу, сложив руки на груди, и наблюдала за процессом, как надзиратель в тюрьме наблюдает за заключенными. Её взгляд, холодный и цепкий, не

упускал ни одной детали, ни одного неверного движения, ни одного лишнего вздоха. Элизабет чувствовала этот взгляд на своей коже, как прикосновение льда, и изо всех сил старалась не выдать своего раздражения.

Когда, наконец, с примеркой было покончено и Маргери, окинув принцессу критическим взглядом, отослала портного, Элизабет осталась наедине со своими камеристками. Но и их присутствие тяготило. Они были безмолвными теньями, глазами и ушами королевы, шпионами, приставленными к ней под видом прислуги. Каждое её слово, каждый жест, каждый вздох мог быть передан королеве-матери, которая, в свою очередь, доложит королю. Она не могла расслабиться ни на минуту. Даже когда она спала, камеристки дежурили за дверью, прислушиваясь к её дыханию, готовые в любой момент войти и предложить помощь, которая на самом деле была лишь предлогом для еще одного наблюдения. Элизабет давно перестала видеть в них живых людей.

Они были лишь частью того безупречного механизма, который окружал её с рождения и который был создан для того, чтобы держать её в узде. И она сама, в каком-то смысле, тоже была частью этого механизма, винтиком в огромной машине королевской власти. Разница была лишь в том, что у других винтиков не было собственного разума, а у неё был. И этот разум, этот внутренний голос, который она не могла заставить замолчать, был самым страшным её врагом. Потому что он не давал ей покоя, не давал ей смириться, не давал ей просто плыть по течению, как делали все вокруг. Он шептал ей о невозможном, о несбыточном, о том, что её жизнь могла бы быть иной. И в этом шепоте было столько искушения, столько соблазнительной горечи, что временами она готова была выжечь собственный разум, лишь бы обрести покой. Но магия не позволяла ей этого сделать.

Магия, как страж, охраняла её от безумия, потому что в безумии сила могла бы вырваться наружу и уничтожить все вокруг. И потому она была обречена на вечное бодрствование, на вечное осознание собственной несвободы, на вечную борьбу с желанием сорвать маску и закричать во весь голос.

— Оставьте меня, — приказала она, стараясь, чтобы голос звучал устало, а не властно. — Мне нужно отдохнуть перед балом. Разбудите за час до начала.

Камеристки, не смея перечить, бесшумно исчезли за дверью, как стайка испуганных мышей. Элизабет прислушалась к их шагам, затихающим в коридоре, к их приглушенным голосам, обсуждающим, вероятно, её бледность или рассеянный взгляд, и лишь затем позволила себе выдохнуть. Глубоко, словно сбрасывая невидимые путы, которые сковывали её грудь весь день. Она осталась одна. Хотя бы на пару часов.

Хотя бы до того момента, как за ней придут, чтобы снова надеть маску и вести на очередной спектакль под названием "жизнь принцессы". Эти часы одиночества были для неё священны. Они были её тайным сокровищем, её личным временем, которое она не собиралась ни с кем делить. В эти часы она могла быть собой, могла снять маску, могла дышать полной грудью и не бояться, что кто-то увидит её настоящую.

Она не стала переодеваться, просто скинула бархатные туфли, расшитые жемчугом, и, подойдя к стене, скрытой за гобеленом с изображением легендарной битвы при Светлой Заводи, нажала на один из каменных выступов. Этот выступ был незаметен глазу: маленькая шероховатость на идеально гладкой поверхности, которую можно было найти только на ощупь, зная, где искать. Раздался тихий щелчок, почти неслышный, и часть стены бесшумно отъехала в сторону, открывая темный проход, из которого пахло прохладой и пылью веков. Этот запах был для неё слаще любых благовоний. Это был запах свободы.

Этот потайной ход она обнаружила случайно ещё в детстве, играя в прятки со своим старшим братом, наследным принцем Кристианом. Тогда он показался ей входом в сказку, в таинственный мир, полный чудес и опасностей. Она помнила, как замирало её сердце от восторга и страха, когда она впервые шагнула в эту темноту, не зная, куда она ведет. Помнила, как

дрожали её руки, когда она ощупывала холодные каменные стены, пробираясь все дальше и дальше, пока не наткнулась на первый магический светильник, который вспыхнул, отреагировав на её близость. Тогда это казалось чудом. Теперь же она знала, что это не чудо, а древняя магия, вплетенная в сам фундамент дворца, магия, которая признавала в ней наследницу крови и подчинялась ей. Теперь это был её личный путь к свободе, пусть и временной, её единственный способ вырваться из золотой клетки хотя бы на несколько часов.

Она скользнула внутрь, и стена за ней закрылась с тем же тихим, почти неслышным звуком. Её окутала непроглядная тьма, но лишь на мгновение. Стоило ей сделать шаг, как вдоль стен загорелись тусклые магические огоньки, реагируя на тепло её тела и, что было важнее, на её магию, на ту самую силу, что гудела в её крови. Этот ход был построен так, чтобы им могли пользоваться только члены королевской семьи, обладающие даром, и это было еще одним доказательством того, что её магия не была случайностью или ошибкой природы. Она была частью их крови, их наследия, их проклятия.

Она была тем, что связывало её с предками, с теми древними королями и королевами, которые правили этой землей задолго до неё и которые тоже, возможно, задыхались в своих позолоченных клетках, но не имели смелости признаться в этом даже самим себе. Или, возможно, они были счастливы. Возможно, они не чувствовали этого зуда, этой постоянной дрожи в кончиках пальцев, этой жажды, которую невозможно утолить. Возможно, их магия мирно спала в их крови, не пытаясь вырваться наружу. Возможно, они были более послушными узниками, чем она. Или, возможно, они просто умели обманывать себя лучше, чем она.

Она спускалась по винтовой лестнице, все глубже и глубже под землю, в сердце королевского дворца, в его самые древние и тайные недра. Запах воска и лилий исчез, уступив место аромату старого пергамента, сырого камня, воска и чего-то неуловимо сладкого, похожего на сухие травы, ладан и легкий привкус магии, витающей в воздухе. Запах знаний. Запах силы. Запах её библиотеки.

Подземная библиотека. О ней не знал практически никто, кроме, возможно, Верховного Мага и самого короля, но её отец не спускался сюда уже много лет, предпочитая блеск тронного зала и шумные пиры тишине и мудрости древних фолиантов. Для Элизабет же это место стало настоящим убежищем, её личным храмом, где она могла быть самой собой, где ей не нужно было носить маску.

Огромный зал с высокими сводчатыми потолками, уходящими во тьму, теряющимися где-то в вышине, и бесконечными рядами стеллажей, заставленных древними фолиантами, свитками, манускриптами, книгами в кожаных и металлических переплетах. Некоторые из них были настолько стары, что рассыпались в прах от одного прикосновения, другие, напротив, были защищены мощными заклинаниями, которые искрили и потрескивали, когда она проходила мимо, приветствуя в ней родственную магию, признавая её право находиться здесь. Книги шептались между собой, обменивались древними секретами, сплетничали о магах, которые давно обратились в прах, но чьи голоса всё ещё звучали в этом зале, вплетаясь в тишину, как нити в полотно.

Элизабет часто думала, что если бы она могла, она бы осталась здесь навсегда, затерявшись среди этих стеллажей, став ещё одним призраком этой библиотеки, шепчущим свои секреты тому, кто придет сюда после неё. Но она знала, что это невозможно. У неё были обязанности, у неё была роль, у неё была клетка, в которую ей предстояло вернуться.

Здесь царила тишина, но не та давящая тишина дворца, полная невысказанных слов, скрытых интриг и затаенных обид. Эта тишина была живой, наполненной шепотом древних магов, запечатлевших свои знания на этих страницах, эхом их голосов, доносящимся сквозь века. Элизабет вдыхала этот воздух, и её магия внутри, казалось, немного успокаивалась, признавая это место своим, переставая метаться и биться о стенки своей темницы. Здесь она чувствовала себя дома. По-настоящему дома. Впервые за весь день. Впервые за всю свою жизнь.

Она прошла в дальний угол, к своему любимому месту — небольшому алькову, скрытому от посторонних глаз высокими стеллажами, где стояли массивный дубовый стол, заваленный свитками, книгами и её собственными записями, и потертое кресло с высокой спинкой, которое, казалось, помнило всех, кто когда-либо сидел в нем в поисках знаний. На столе лежала раскрытая книга в кожаном переплете с выцветшими золотыми буквами. "Трактат о природе стихийных потоков" — гласило название.

Элизабет села в кресло, поджав под себя ноги, и положила руки на пожелтевшие страницы, исписанные убористым, почти неразборчивым почерком древнего мага. Страницы были теплыми на ощупь, словно хранили тепло рук того, кто когда-то писал эти строки, или, возможно, это была магия, всё ещё жившая в этих словах, всё ещё бурлящая под поверхностью чернил, готовая откликнуться на зов того, кто пришел за знанием. Она часто задавалась вопросом: кто был автором этих трактатов? Каким человеком он был? Страдал ли он так же, как она, от невозможности использовать свой дар? Или жил в те времена, когда магия была не проклятием, а благословением, когда маги были свободны следовать зову своей крови? Она не находила ответов в этих книгах, но сам процесс поиска приносил ей успокоение, давал ощущение того, что она не одна в этом мире, что были до неё люди, которые тоже искали, тоже стремились, тоже задыхались в тисках ограничений. И это знание было для неё ценнее любых драгоценностей.

Её магия, та самая сила, что рвалась наружу, здесь ощущалась иначе. Здесь она не чувствовала себя врагом. Она чувствовала себя частью чего-то большего, частью великого потока, связывающего все сущее. Древние слова, формулы заклинаний, описания невероятных ритуалов — всё это было ей интуитивно понятно. Казалось, она не просто читает, а вспоминает то, что знала всегда, что было заложено в ней с рождения, что передавалось по наследству от поколения к поколению. Она могла бы часами сидеть здесь, погружаясь в изучение древних тайн, но время, как всегда, работало против неё. Время было её самым беспощадным тюремщиком, оно отсчитывало минуты до бала, до возвращения в клетку, до нового дня, полного притворства и лжи.

Но чем больше она погружалась в изучение, тем сильнее становилось гнетущее чувство несоответствия, разрыва между тем, кем она была, и тем, кем её хотели видеть. Её дар был уникален. Она чувствовала это каждой клеточкой своего существа. Он не был похож на магию придворных чародеев с их пафосными жестами, сложными плетениями заклинаний и обязательными атрибутами в виде жезлов, посохов и амулетов.

Её магия была первобытной, стихийной, она больше напоминала ту силу, что была описана в самых древних, почти мифических текстах о первых магах, которые черпали энергию напрямую из земли, из огня, из воды, из бури, которые были не просто волшебниками, а повелителями стихий. Она чувствовала, что могла бы прикоснуться к этой силе, если бы ей только позволили, если бы её не заставляли подавлять её, загонять вглубь, как дикого зверя в клетку.

Элизабет сжала руку в кулак, и над ладонью, словно по команде, вспыхнул и затанцевал маленький огонек. Не простой, а ярко-синий, с белой сердцевинкой, не похожий на обычное пламя. Он не обжигал, он ласкался к её коже, как живой, как преданный питомец, скукавший по своей хозяйке. Она раскрыла ладонь, и огонек, подпрыгнув, разлетелся снопом крошечных искр, которые, покружившись в воздухе, сложились в подобие сложной геометрической фигуры, прежде чем погаснуть, оставив после себя лишь легкий запах грозы. Это было так просто, так естественно, так правильно. Почему же ей запрещали быть самой собой?

Её кровь гудела. Буквально. Она чувствовала её жар в каждой клеточке тела, как будто по венам бежала не кровь, а раскаленный металл. Сила, не растрченная, не выпущенная на свободу, медленно отравляла её изнутри, словно застоявшаяся вода в пруду, которая со временем становится ядовитой. Она была узником в золотой клетке, и её магия была вторым узником, запертым уже внутри неё самой. Две тюрьмы на одну жизнь. Это было невыносимо.

Она вспомнила сегодняшние смотрины. Молодой герцог де Валлен, прибывший ко двору из далекой северной провинции. Он был красив той холеной, пустой красотой, что так ценится при дворе: правильные черты лица, светлые волосы, уложенные по последней моде, дорогой костюм, подчеркивающий его атлетическое телосложение.

Он говорил о своей коллекции охотничьих трофеев, о бесчисленных олених и кабанах, убитых им в королевских лесах, и о том, как мастерски он владеет мечом, побеждая на турнирах всех своих соперников. Он говорил долго, самозабвенно, наслаждаясь звуком собственного голоса, и ни разу не посмотрел ей в глаза, обращаясь, в основном, к королю и его советникам. Для него она была лишь очередным трофеем, который он мечтал повесить на свой пояс, очередной ступенькой на пути к славе и богатству. И в тот момент, когда он, осмелев, коснулся её руки, чтобы поцеловать, её магия взревела внутри, как раненый зверь, грозя вырваться из-под контроля. Она едва сдержала вспышку энергии, которая могла бы испепелить его на месте, превратить в горстку пепла, развеянного по ветру.

Ей пришлось отдернуть руку, изобразив смущение, и потупить взгляд, как и подобает благовоспитанной принцессе. Она до сих пор помнила этот дикий, первобытный страх, который на мгновение исказил его красивое лицо, когда он почувствовал исходящую от неё угрозу. Это было только мгновение, но она его запомнила. Хорошо. Пусть боится. Пусть все они боятся. Может быть, тогда они оставят её в покое.

В дверь (в дверь её покоев, не в библиотеку) снова постучали. Элизабет вздрогнула, выныривая из своих мыслей. Уже пора? Она потеряла счет времени, погрузившись в изучение древних текстов и в свои горькие размышления. Она подняла голову, прислушиваясь.

— Да, — отозвалась она, но в следующую секунду поняла, что находится не в своих покоях, и звук её голоса эхом разнесся по подземному залу, отражаясь от каменных сводов и теряясь где-то в темноте.

Она прислушалась. Стук повторился. Он доносился откуда-то сверху, приглушенный толщей камня и дерева. Неужели её хватились раньше времени? Неужели Маргери решила проверить, чем занимается её подопечная? Или королева-мать прислала кого-то с новым поручением? Она поднялась с кресла, намереваясь вернуться, как вдруг заметила нечто странное, что заставило её замереть на месте.

На столе, прямо поверх раскрытого фолианта, лежал небольшой свиток, перевязанный черной шелковой лентой. Она могла поклясться, что его не было здесь минуту назад. Она только что смотрела на этот стол, на эту книгу, и никакого свитка там не было. Элизабет огляделась по сторонам, вглядываясь в темноту, пытаясь разглядеть хоть какое-то движение, хоть какую-то тень, которая могла бы принадлежать незваному гостю. Тишина. Никого. И всё же свиток был здесь, лежал перед ней, как безмолвный вызов, как послание из другого мира.

Медленно, словно боясь спугнуть видение, она протянула руку и взяла свиток. Лента была холодной на ощупь, как лед, и скользила сквозь пальцы, как вода. Она развязала её, чувствуя, как её сердце начинает биться быстрее. Пергамент был плотным, матово-черным, не похожим ни на один известный ей материал, а буквы, выведенные серебряными чернилами, складывались в ровные, элегантные строки, которые, казалось, светились изнутри.

"Её Высочеству, принцессе Элизабет, чей светлый дар столь очевиден и столь безнадежно заперт в стенах Элизиума.

Приглашение.

Луна снова начнет свой путь к полноте через три ночи. В это время я буду ждать вас у старого, заросшего плющом фонтана в северной части Королевского сада. Мы оба знаем, что вы умеете быть незаметной, когда пожелаете.

Я предлагаю вам беседу, которая, возможно, поможет вам перестать задыхаться. Я предлагаю вам ключ от вашей позолоченной клетки.

Приходите одна. Или не приходите вовсе. Выбор, как и всегда, остается за вами.

С глубочайшим уважением и нетерпением,
Кайрус Теневой Шаг.
Член Совета Десяти Избранных."

Элизабет перечитала письмо трижды. Сначала быстро, жадно глотая слова, затем медленно, вдумываясь в каждую фразу, в каждое слово, в каждый знак препинания. Её сердце, казалось, перестало биться, а затем заколотилось с удвоенной силой, эхом отдаваясь в висках, в груди, в кончиках пальцев. Кайрус Теневой Шаг. Это имя было легендой, причем легендой, окутанной завесой тайны и страха. Один из Десяти Избранных — верховных магов королевства, подчиняющихся лишь королю и богу. Их сила была колоссальна, их знания безграничны, а их имена произносились с благоговением и трепетом, смешанным с изрядной долей суеверного ужаса. Они были почти богами, спустившимися на землю, и простые смертные не смели даже поднимать на них глаза. И один из них писал ей, девятнадцатилетней принцессе, запертой в золотой клетке, задыхающейся от собственной силы.

"Ключ от твоей позолоченной клетки..."

Что ему нужно? Чего он хочет? Зачем ему связываться с ней, с той, кого собственный отец считает лишь разменной монетой? Откуда он знает о её даре? О библиотеке? О её чувствах, о её внутренней борьбе, о её отчаянии? Он, должно быть, наблюдал за ней, следил, делал выводы. Или, возможно, он просто чувствовал её магию, как она чувствовала магию древних стен и забытых артефактов. Он предлагал беседу. Просто беседу. Но в этом "просто" таилась бездна. Это был шанс. Первый реальный шанс прикоснуться к чему-то большему, чем бесконечные примерки и смотрины, чем пустые разговоры и фальшивые улыбки. Шанс понять свою магию, научиться ею управлять, перестать быть рабой своей силы. Шанс перестать быть просто украшением, просто принцессой, просто товаром на ярмарке невест.

Она сжала письмо в руке так сильно, что костяшки побелели, а ногти впились в ладонь. Три ночи. Фонтан в северной части сада, старый, заросший плющом. Она знала это место. Оно было заброшено, скрыто от глаз густыми кустами и высокими деревьями, идеальное место для тайной встречи. Одна. Она должна пойти одна, без охраны, без фрейлин, без этого вездесущего надзора. Она могла бы это сделать. Она знала потайные ходы, знала, как избежать патрулей, как проскользнуть незамеченной. Ради себя. Ради той части себя, что была заперта глубоко внутри и медленно умирала, задыхаясь без воздуха, без выхода.

Она не могла принять решение просто так, в подземной тишине, вдали от реальности. Ей нужно было подумать, взвесить все "за" и "против", оценить риски. Но уже сейчас она знала, что любопытство, это пьянящее, запретное чувство, которое она так долго подавляла в себе, перевесило страх. Она должна была узнать, что он ей предложит. Она должна была увидеть его, поговорить с ним, понять, что за тайны скрывает этот загадочный маг. И, возможно, это была её единственная возможность.

Элизабет аккуратно сложила письмо и спрятала его в складках платья, у самого сердца. Затем, бросив последний взгляд на свою библиотеку, на этот островок свободы в море несвободы, она направилась к потайной двери. Ей нужно было вернуться. Бал. Послы. Игра. Маска. Но теперь у неё была тайна, которая согревала её изнутри лучше любого огня, которая придавала сил и заставляла сердце биться чаще. Тайна, которая делала предстоящий вечер не таким уж невыносимым, которая наполняла его смыслом и ожиданием.

Она вышла из тайного хода, и стена за ней бесшумно встала на место, скрывая проход от посторонних глаз. Стук в дверь её покоев стал настойчивее, в нем слышались нотки раздражения и тревоги.

— Ваше Высочество! — донесся встревоженный голос Маргери. — Уже пора готовиться! Вы слышите меня? Королева-мать будет недовольна, если вы опоздаете!

— Да, слышу, — ответила Элизабет, и её голос прозвучал на удивление спокойно и твердо, без тени страха или раздражения. — Войдите.

Леди Маргери вошла, и по её поджатым губам, по её холодному взгляду было видно, что она недовольна. Она окинула принцессу подозрительным взглядом, выискивая следы какого-то неповиновения, какой-то тайной жизни, но, не найдя ничего предосудительного, лишь слегка покачала головой. Принцесса выглядела безупречно, как всегда. Маска была на месте.

— Вы должны быть в большом зале через час, Ваше Высочество. Платье... — начала было Маргери.

— Я знаю, Маргери, — перебила её Элизабет, и в её голосе впервые за долгое время прозвучала сталь, которая удивила даже её саму. — Я готова. Начнем.

Она прошла к гардеробной, чувствуя на себе пристальный взгляд старшей фрейлины. Позолоченная клетка. Да, она все ещё была заперта в ней, все ещё была экспонатом, выставленным на всеобщее обозрение. Но теперь у неё в руках был не просто лист черного пергамента с серебряными буквами. У неё была надежда. И обещание, данное человеком, чье имя заставляло трепетать все королевство. Обещание ключа. И она намеревалась его получить, чего бы это ни стоило.

Глава 2. Цена крови

Три ночи пролетели как одно мгновение, и вместе с тем каждая из них тянулась бесконечно, словно вязкий, липкий сон, из которого невозможно выбраться, сколько ни пытайся. Время обрело странную, двойственную природу: днем оно несло галопом, разрываясь на десятки церемоний, приемов, обязательных улыбок и пустых разговоров, а ночью застывало, превращаясь в густой кисель, в котором вязли мысли, страхи и надежды. Элизабет существовала в двух мирах одновременно, и ни в одном из них не могла обрести покоя.

Днем она играла свою привычную роль — принцесса, улыбающаяся на балах, склоняющая голову перед послами, выслушивающая комплименты, которые ничего не значили, и намеки, которые значили слишком много. Она была безупречна, как фарфоровая кукла, выставленная на всеобщее обозрение, и это безупречное совершенство давалось ей с каждым днем все труднее.

Маргери, наблюдавшая за ней с неослабевающим вниманием, не могла найти ни единого повода для недовольства, и это, казалось, раздражало ее еще больше, чем любое открытое неповиновение. Она чувала перемену, но не могла понять, откуда исходит угроза, и от этого ее взгляд становился еще более цепким, еще более подозрительным. Но под этой безупречной маской бушевала буря, о которой не догадывался никто.

Каждую свободную минуту, каждую секунду, когда она оставалась наедине с собой, мысли Элизабет возвращались к письму, спрятанному в потайном кармане, который она собственноручно вшила в подкладку одного из своих дорожных плащей. Она сделала это ночью, при свече, стараясь, чтобы стежки были ровными и незаметными, и в тот момент чувствовала себя почти заговорщицей, почти преступницей, и это чувство было странно будоражащим. Письмо жгло ей грудь, словно раскаленный уголек, напоминая о себе при каждом движении, при каждом вдохе. Оно было то тяжелым, как камень, то невесомым, как пепел, но никогда не позволяло забыть о себе.

Кайрус Теневой Шаг. Она повторяла это имя про себя, словно молитву, словно заклинание, словно ключ к неведомой двери, за которой скрывалась её судьба. Оно звучало как шелест ночного ветра, как эхо далекого грома, как что-то древнее и опасное, и в то же время манящее. Она пыталась вспомнить все, что когда-либо слышала о нем, все слухи, все легенды, все обрывки разговоров, случайно подслушанных в коридорах дворца, в дамских будуарах, в королевских конюшнях, где слуги иногда болтали больше, чем следовало. Образ Кайруса Теневого Шага был окутан туманом противоречий.

Говорили, что он появился при дворе много лет назад, никто не знал откуда, и что его сила была столь велика, что король лично предложил ему место в Совете Десяти, хотя обычно эта честь передавалась по наследству или заслуживалась десятилетиями верной службы. Говорили, что он не стареет, что его лицо не меняется с годами, и что в его глазах отражается бездна, в которую лучше не заглядывать, если хочешь сохранить рассудок. Говорили, что он практикует запретную магию, ту самую, о которой шептались в темных углах, и что он способен на вещи, которые не снились даже самым могущественным из придворных магов. Кто-то утверждал, что он был советником прежнего короля, кто-то — что он сам мечтает занять трон, кто-то — что он вовсе не человек, а дух, принявший человеческое обличье.

Но все это были лишь слухи, домыслы, искаженные страхом и восхищением, преувеличенные многократными пересказами, обрастающие невероятными подробностями, как корабль ракушками. Истина была скрыта от посторонних глаз, погребена под толщей лет и тайн, и Элизабет предстояло прикоснуться к ней самой, без посредников, без свидетелей, без права на ошибку.

Когда наступила третья ночь, когда луна, как и было обещано в письме, начала свой путь к полноте, заливая королевский сад призрачным, серебристым светом, превращающим каждую каплю росы в крошечный бриллиант, Элизабет поняла, что отступить поздно. Она не спала, лежа в своей огромной кровати под балдахин, расшитым золотыми звездами, и прислушивалась к тишине, которая окутала дворец. Эта тишина была обманчивой, она знала это слишком хорошо. В этих стенах всегда кто-то бодрствовал — стража, сменяющаяся каждые несколько часов, слуги, снующие по своим делам, маги, несущие ночную вахту, шпионы, наблюдающие за теми, кто наблюдает.

Дворец никогда не спал по-настоящему, он лишь притворялся спящим, и в этом притворстве была особая, зловещая магия. Но у нее было преимущество: она знала потайные ходы, которые были скрыты от глаз непосвященных, и она знала, как ими пользоваться, не оставляя следов. Эти ходы были наследием давних времен, когда короли боялись заговоров и предпочитали иметь пути отступления, скрытые от посторонних глаз. Она обнаружила их случайно, будучи еще ребенком, и с тех пор они стали ее тайным убежищем, ее способом ускользнуть от вездесущих глаз Маргери, от бдительной стражи, от удушающего внимания двора. В этих узких, темных проходах она была свободна, и эта свобода была дороже золота.

Она дождалась, когда шаги в коридоре затихли, когда последний из ночных патрулей прошел мимо ее дверей, и лишь затем бесшумно поднялась с постели. Каждое движение давалось ей с трудом, потому что она боялась издать хоть малейший звук, который мог бы выдать ее. Она скользила по комнате, как призрак, как тень, и в этом скольжении было что-то от воровства, от запретного, от того, что заставляло ее сердце биться быстрее. Платье, которое она приготовила заранее, было простым и темным, без единого украшения, без единой блестящей нити, которая могла бы выдать ее в темноте.

Она надела его, чувствуя, как грубая ткань непривычно царапает кожу, привыкшую к шелку и бархату, и накинула на плечи плащ с глубоким капюшоном, скрывающим лицо. В последний раз взглянув на себя в зеркало, она не узнала собственного отражения. Из зеркала на нее смотрела не принцесса, а тень, безымянная фигура, которая могла бы затеряться в любой толпе, раствориться в любом городе, исчезнуть без следа. Это было странное, опьяняющее чувство — быть неузнаваемой, быть никем, быть просто телом, движущимся в темноте, без титула, без обязательств, без дамоклов меча ожиданий, висящего над головой. На мгновение она поймала себя на мысли, что хотела бы остаться такой навсегда, но тут же отогнала ее, понимая, что это невозможно.

Потайной ход, ведущий в сад, находился в восточном крыле, за старой часовней, которой давно никто не пользовался. Элизабет пробиралась по темным коридорам, прижимаясь к стенам, замирая при каждом шорохе, при каждом скрипе половиц. Ее сердце колотилось так громко, что ей казалось, будто его стук разносится по всему дворцу, выдавая ее с головой, что каждый стражник в этом огромном здании слышит его и уже спешит к ней, чтобы схватить, обличить, наказать. Каждая тень казалась ей живой, каждый сквозняк — дыханием преследователя. Но никто не остановил ее, никто не окликнул.

Дворец спал, и его сон был глубок и спокоен, и в этом сне он был милосерден к ней. Или, возможно, сама судьба вела ее, расчищая путь, убирая препятствия, направляя к тому, что должно было произойти. Она не знала, что из этого правда, и не хотела знать, потому что знание могло бы парализовать ее волю, а ей нужна была каждая капля решимости.

Выйдя в сад через потайную дверь, скрытую за разросшимся кустом жасмина, она вдохнула ночной воздух, наполненный ароматами трав, цветов и влажной земли. Этот запах был так непохож на удушливый аромат дворца, что на мгновение у нее закружилась голова. Она словно попала в другой мир, в мир, где не было этикета, фальшивых улыбок и бесконечных смотрин. В мир, где она могла быть самой собой, без масок, без ролей, без вечного притворства.

Ночной воздух был свежим и прохладным, и она чувствовала, как он наполняет ее легкие, очищая их от той пыли, которая накопилась за день, от той духоты, которая пропитала собой все ее существование. Сверчки пели свою бесконечную песню, где-то вдалеке ухала сова, и эти простые, естественные звуки казались ей музыкой, гораздо более прекрасной, чем любая придворная симфония.

Северная часть Королевского сада была самой старой и самой заброшенной. Здесь росли вековые деревья, чьи ветви сплетались над головой, образуя плотный полог, сквозь который едва пробивался лунный свет. Их стволы были покрыты мхом и лишайником, а корни, выступающие из земли, напоминали когтистые лапы какого-то древнего чудовища, дремлющего под толщей почвы. Дорожки, вымощенные камнем, заросли мхом и плющом, и идти по ним приходилось осторожно, чтобы не споткнуться и не упасть. Каждый шаг требовал концентрации, каждый камень под ногой мог оказаться предательским, скользким от росы, и Элизабет двигалась медленно, но неуклонно, как человек, идущий по краю пропасти.

Элизабет помнила это место еще с детства, когда она, будучи совсем маленькой девочкой, убегала сюда от своих нянек и играла среди старых статуй, изображающих давно забытых богов и героев. Тогда этот сад казался ей волшебным, полным тайн и приключений, местом, где оживали сказки. Теперь эти статуи казались ей не добрыми, а пугающими, их пустые глазницы следили за каждым ее шагом, а их каменные губы, казалось, шептали предостережения, угадывающиеся в шелесте листьев и скрипе старых ветвей. Детство ушло, и вместе с ним ушла наивная вера в доброту этого места. Остались лишь тени, молчаливые и многозначительные.

Фонтан, о котором говорилось в письме, стоял в самом дальнем углу сада, скрытый от посторонних глаз густыми зарослями плюща, который оплел его со всех сторон, словно желая поглотить, утащить в землю, стереть из памяти мира. Когда-то это было великолепное сооружение из белого мрамора, украшенное фигурами нимф и тритонов, чьи каменные тела были исполнены такой грации, что казались живыми. Но время не пощадило их. Теперь от бывшего величия остались лишь обломки, покрытые мхом и лишайником, а лица нимф, некогда прекрасные, были стерты дождями и ветрами до неузнаваемости.

Вода в фонтане давно пересохла, и его чаша была наполнена лишь опавшими листьями и сухими ветками, которые шуршали под ногами, как кости какого-то древнего зверя. Элизабет остановилась перед ним, чувствуя, как ее сердце начинает биться еще быстрее. Вокруг было тихо, слишком тихо, как будто сама природа затаила дыхание в ожидании чего-то важного. Сверчки умолкли, сова затихла, даже ветер, казалось, перестал шевелить листьями. Мир замер, и в этой тишине каждый ее вздох казался оглушительным.

— Ты пришла, — раздался голос из темноты.

Он был низким, глубоким, но при этом удивительно спокойным, как будто его обладатель говорил не с девятнадцатилетней принцессой, рискнувшей всем ради тайной встречи, а со старой знакомой, которую давно ждал и в приходе которой нисколько не сомневался. Этот голос был подобен голосу самой ночи — он был повсюду и ниоткуда одновременно, он обволакивал, проникал в самое сознание, заставляя прислушиваться к каждому слову. Элизабет вздрогнула и обернулась, вглядываясь в темноту, пытаясь разглядеть говорившего. Сначала она не видела ничего, лишь густую, непроницаемую тень под деревьями, настолько плотную, что она казалась почти осязаемой. Но затем тень шевельнулась, отделилась от остальных и шагнула вперед, в лунный свет, и Элизабет впервые увидела его.

Кайрус Теневой Шаг был не таким, каким она его себе представляла. Она ожидала увидеть старца с длинной седой бородой, сгорбленного под тяжестью веков и тайных знаний, или, наоборот, надменного аристократа, одетого в роскошные одежды, расшитые магическими рунами. Но перед ней стоял человек, который, на первый взгляд, мог бы быть обычным мужчиной средних лет. Высокий, худощавый, с резкими, словно высеченными из камня, чертами лица и темными волосами, в которых, однако, уже серебрились первые нити седины.

Он был одет в простой черный плащ без каких-либо украшений, а на его руках не было ни колец, ни браслетов, ни других магических атрибутов. И все же, глядя на него, Элизабет чувствовала исходящую от него силу, ту самую, древнюю, первобытную силу, которая была так знакома ей самой. Силу, которая не нуждалась в атрибутах, чтобы быть устрашающей, которая была так велика, что ей не требовались внешние проявления. Она была в каждом его движении, в каждом взгляде, в самом его присутствии, которое, казалось, искажало окружающее пространство, как массивный объект искажает ткань реальности.

— Я пришла, — ответила она, стараясь, чтобы ее голос звучал твердо, хотя внутри все дрожало. — Вы писали, что можете предложить мне ключ.

Он усмехнулся, но это была не веселая, а скорее ироничная усмешка, как будто ее слова его позабавили, но не удивили, как будто он ожидал именно такого начала разговора.

— Ключ? — переспросил он, и в его голосе прозвучала легкая насмешка. — Я предложил тебе беседу, принцесса. И возможный ключ. Но не более того. Все остальное зависит от тебя. Я не могу дать тебе ключ просто так, в обмен на твое присутствие. Ключи не раздают, их добывают.

Он подошел ближе, и Элизабет почувствовала, как воздух вокруг него словно сгущается, наполняясь незримым напряжением. Его глаза, темные, почти черные, смотрели на нее с такой пронизательностью, что ей захотелось отвести взгляд. Ей казалось, что он видит ее насквозь, что он читает ее мысли, ее страхи, ее самые сокровенные желания, которые она сама боялась признать. В этих глазах не было ни тепла, ни сочувствия, ни любопытства — лишь спокойная, всепонимающая сила, знающая о мире больше, чем он когда-либо сможет рассказать.

— Ты чувствуешь ее, не так ли? — спросил он, и это был не вопрос, а утверждение. — Свою магию. Она рвется из тебя, как дикий зверь из клетки. Она мешает тебе спать, есть, думать. Она отравляет тебя изнутри, медленно, но верно. И ты не знаешь, что с ней делать, как ее успокоить, как заставить ее подчиняться. Ты чувствуешь, как она растет, как она крепнет, и это пугает тебя больше, чем любые угрозы извне.

Элизабет молчала, не в силах произнести ни слова. Он был прав. Абсолютно, убийственно прав. Как он мог знать? Как он мог чувствовать то, что она так тщательно скрывала от всех? Неужели ее магия была настолько очевидна для тех, кто умел видеть? Или это он был настолько пронизателен, что мог читать ее, как открытую книгу, не нуждаясь ни в каких дополнительных знаках?

— Я знаю, потому что я сам прошел через это, — продолжал он, отвечая на ее невысказанный вопрос. — Я знаю, каково это — носить в себе силу, которая может уничтожить тебя, если ты потеряешь контроль. Я знаю, каково это — задыхаться в золотой клетке, зная, что у тебя есть крылья, но тебе не позволяют ими пользоваться. Я знаю, каково это — притворяться слабым, когда внутри тебя бушует ураган, способный снести все на своем пути. И я знаю, каково это — ненавидеть свою силу и одновременно не мочь без нее жить.

Он сделал еще один шаг, и теперь он стоял совсем близко к ней, так близко, что она могла различить тонкий запах, исходящий от него — запах дыма, сухих трав и чего-то еще, неуловимого, но будоражащего. Его присутствие подавляло, но в то же время странным образом успокаивало. Она чувствовала, что перед ней стоит не просто могущественный маг, а тот, кто действительно может понять ее, кто не будет смотреть на нее как на бесполезное украшение, как на пешку в чужой игре. И это понимание было для нее важнее любых обещаний.

— Почему вы решили помочь мне? — спросила она, наконец обретая дар речи. — Что вам нужно от меня? В этом мире ничто не делается бескорыстно, и я не настолько наивна, чтобы верить в вашу доброту.

Кайрус посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом, словно взвешивая, стоит ли ей говорить правду или лучше ограничиться уклончивым ответом. В его глазах промелькнуло что-то, похожее на уважение — или на его тень.

— Мне нужна не ты, принцесса, — ответил он наконец. — Мне нужна твоя кровь.

Элизабет отшатнулась, как от удара. Эти слова прозвучали так холодно, так цинично, что на мгновение ей показалось, будто она ослышалась. Кровь. Ее кровь. Та самая королевская кровь, которая делала ее особенной, но которая в то же время была ее проклятием. Неужели он такой же, как все? Неужели он видит в ней лишь носителя этой крови, лишь сосуд для магической субстанции, лишь инструмент для достижения собственных целей?

— Ваша королевская кровь, — продолжал он, не обращая внимания на ее реакцию, — это не просто символ. Это не просто привилегия, данная вам по праву рождения. Это древняя магическая субстанция, которая течет в ваших венах, которая делает вас теми, кто вы есть. Но она же может вас уничтожить. И я не говорю о метафорах, принцесса. Я говорю о реальной, физической угрозе. Ваша кровь — это топливо для вашей магии, но она же может стать ее пожирателем. Она может сжечь вас изнутри, и пепел развеется по ветру, и никто даже не вспомнит, что когда-то была такая принцесса Элизабет.

Он медленно обошел вокруг нее, и его голос продолжал звучать, низкий, гипнотизирующий, проникающий в самое сознание, обволакивающий, как туман.

— Вы, королевские дети, привыкли думать, что ваша кровь защищает вас. Вас учат этому с пеленок. Вам твердят, что ваша кровь — это ваша броня, ваш щит, ваше право на власть. Но это ложь. Здесь, — он обвел рукой окружающий их заброшенный сад, — здесь ваша кровь не защитит вас. Здесь она лишь топливо. И если вы не научитесь контролировать ее, она сожжет вас дотла. Она не будет милосердна, она не будет ждать, пока вы будете готовы. Она уже сейчас пожирает вас, медленно, но неотвратно.

Элизабет слушала его, и внутри нее поднималась волна гнева, смешанного со страхом. Как он смеет так говорить с ней? Как он смеет обращаться с ней, как с каким-то инструментом, как с сосудом для магической субстанции? Она была принцессой, она была дочерью короля, она была не просто телом с королевской кровью, она была личностью, со своими мыслями, чувствами, мечтами. Но в то же время она не могла не признать, что его слова звучали правдиво, что они резонировали с тем, что она чувствовала внутри себя, с тем, что так долго пыталась игнорировать. Ее кровь действительно была другой. Она действительно чувствовала, как эта кровь горит, как она бурлит, как она требует чего-то, чего Элизабет не могла ей дать.

— Вы говорите так, будто знаете меня, — произнесла она, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно, хотя внутри все кипело. — Но вы ошибаетесь, если думаете, что я слабая, изнеженная принцесса, которая не может постоять за себя. Я выживала в этом дворце девятнадцать лет, и это чего-то стоит.

— Я знаю, что ты не слабая, — ответил он, и в его голосе не было ни капли насмешки, только усталая уверенность. — Если бы ты была слабой, ты бы уже давно сошла с ума или сгорела бы изнутри. Твоя сила слишком велика для слабых. Она раздавила бы тебя, как пустой орех. Но сила без контроля — это не сила, это проклятие. Это оружие, направленное на владельца. И я здесь, чтобы научить тебя этому контролю. Если ты, конечно, готова заплатить цену.

— Какую цену? — спросила она, хотя уже догадывалась, каким будет ответ. В его глазах было что-то, что подсказывало ей, что ответ ей не понравится.

— Цену боли, принцесса, — ответил он. — Цену страха. Цену крови. Обучение не будет легким. Оно будет жестоким, изнурительным, и в какой-то момент ты возненавидишь меня и захочешь все бросить. Ты будешь проклинать тот день, когда согласилась на эту встречу. Ты будешь умолять меня остановиться. Но если ты выдержишь, если ты пройдешь через все это, ты станешь сильнее, чем когда-либо могла себе представить. Ты перестанешь быть запертой в клетке. Ты станешь свободной.

Он замолчал, давая ей время обдумать его слова. Элизабет стояла, глядя на старый, заросший плющом фонтан, и чувствовала, как ее душа разрывается между страхом и желанием,

между стремлением к безопасности и жадой свободы. Эти два чувства боролись в ней, как два диких зверя, и она не знала, какое из них окажется сильнее.

С одной стороны, она знала, что, согласившись на его предложение, она вступит на опасный путь, с которого может не быть возврата. Она может погибнуть, она может потерять себя, она может стать тем, кем не хотела бы быть. С другой стороны, она знала, что, отказавшись, она обречет себя на вечное заточение в золотой клетке, на медленное угасание, на смерть заживо. Выбор был очевиден, но это не делало его легче. Очевидность выбора не облегчает бремя выбора.

— Хорошо, — наконец произнесла она, и ее голос прозвучал тверже, чем она ожидала. — Я согласна. Но у меня есть условие.

Кайрус поднял бровь, выражая легкое удивление. Он явно не ожидал, что она будет ставить условия. Это было дерзко, но дерзость была единственным, что у нее оставалось.

— Какое же?

— Вы будете честны со мной, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Никаких игр, никаких недомолвок, никаких тайн. Если я должна рисковать своей жизнью, я хочу знать, ради чего. Я хочу знать, что вы делаете со мной и зачем. Я не позволю вам использовать меня вслепую.

Он выдержал ее взгляд, и на его губах снова появилась та странная, ироничная усмешка. Но в этой усмешке теперь было что-то еще, что-то, похожее на одобрение.

— Хорошо, принцесса, — произнес он. — Я буду честен с тобой. Настолько, насколько это возможно. Но помни: знание — это тоже оружие, и иногда оно ранит сильнее, чем любая магия. Возможно, настанет момент, когда ты пожалеешь о своем условии.

Он протянул ей руку, и Элизабет, поколебавшись лишь мгновение, вложила свою ладонь в его. Его рука была прохладной и сухой, а прикосновение — твердым, уверенным. И в тот момент, когда их кожи соприкоснулись, она почувствовала странный разряд, пробежавший по ее телу, словно электрическая искра. Ее магия внутри встрепенулась, как будто узнав в нем что-то родное, что-то знакомое, что-то, чего она так долго ждала. Это было похоже на узнавание, на встречу двух старых друзей, разлученных много лет назад.

— Начнем с малого, — сказал он, отпуская ее руку. — Твоя магия, как я уже говорил, питается твоей кровью. Но ты не умеешь ею управлять. Ты позволяешь ей течь бесконтрольно, как бурная река, разливающаяся по равнине. А нужно, чтобы она была подобна каналу, направляющему воду туда, куда нужно. Нужно, чтобы ты была не руслом, а инженером, управляющим потоком.

Он указал на старый фонтан, на его пустую, потрескавшуюся чашу.

— Попробуй наполнить ее, — сказал он. — Не водой, а своей силой. Своей магией. Почувствуй ее, ощути, как она течет в твоих венах, как она пульсирует в такт твоему сердцу. А затем направь ее наружу, через ладони, через кончики пальцев. Попробуй придать ей форму, удержать ее. Попробуй сделать так, чтобы она была не диким взрывом, а управляемым потоком.

Элизабет посмотрела на фонтан, затем на свои руки. Она чувствовала магию внутри, чувствовала, как она гудит, как рвется наружу, как нетерпеливый пес, натягивающий поводок. Но попытаться направить ее, придать ей форму, удержать — это было совсем другое. Это было то, чего она никогда не делала, то, чему ее никогда не учили. Все ее обучение сводилось к тому, чтобы подавлять магию, прятать ее, отрицать ее существование. И теперь ей предстояло сделать нечто противоположное, нечто, что шло вразрез со всеми уроками, всеми предостережениями, всеми страхами.

Она глубоко вздохнула, закрыла глаза и попыталась сосредоточиться. Она представила себе свою магию как поток света, текущий по ее телу, наполняющий каждую клеточку, каждый

нерв, каждую каплю крови. Она почувствовала тепло, разливающееся по рукам, по ладоням, по кончикам пальцев. А затем она открыла глаза и позволила этой силе вырваться наружу.

Результат был катастрофическим. Вместо того чтобы мягко перетечь в чашу фонтана, магия вырвалась из нее диким, неконтролируемым взрывом. Ослепительная вспышка синего света разорвала темноту, разбрасывая в стороны опавшие листья и сухие ветки. Элизабет отбросило назад, и она, не удержавшись на ногах, упала на землю, больно ударившись спиной о каменную плитку дорожки. Перед глазами у нее заплескали огненные круги, а в ушах зазвенело так, будто рядом взорвался колокол. На мгновение ей показалось, что она теряет сознание, что мир вокруг расплывается и исчезает, но она сумела удержаться на грани.

Она лежала на земле, тяжело дыша, и чувствовала, как ее магия внутри бушует, словно разбуженный вулкан. Она была сильнее, чем она думала. Гораздо сильнее. И она была неумолима, беспощадна, готова поглотить ее саму, если она потеряет контроль. Это было то, о чем предупреждал Кайрус. Ее кровь — топливо. И она только что едва не подожгла саму себя. Она почувствовала, как страх сжимает ее горло, как паника поднимается из глубины души, но в то же время она почувствовала и нечто другое — странное, опьяняющее ощущение собственной силы, ощущение того, что она способна на большее, чем ей всегда говорили.

Кайрус стоял неподалеку, не двигаясь, и наблюдал за ней с бесстрастным выражением лица. Он не бросился ей на помощь, не стал читать нотации. Он просто ждал, пока она придет в себя. Его терпение было безграничным, и это пугало.

— Теперь ты понимаешь, — произнес он, когда она, пошатываясь, поднялась на ноги. — Твоя королевская кровь — это не защита. Это бремя. Она может вознести тебя до небес, но она же может сжечь тебя дотла, если ты потеряешь контроль. И ты только что ощутила это на собственной шкуре. Это первое и самое важное твое знание.

Элизабет молчала. Она смотрела на фонтан, на котором не осталось ни единого следа от ее магии, и чувствовала, как внутри нее борются страх и благоговение. Она была напугана, да. Но в то же время она была заморожена. Она впервые увидела свою силу во всей ее мощи, и эта мощь была ошеломляющей. Она была опасной, разрушительной, но в то же время прекрасной, как дикий зверь, готовый покориться лишь тому, кто сумеет его приручить. И в этом зрелище было нечто такое, что заставляло ее сердце биться быстрее.

— Это только начало, — продолжил Кайрус. — Твоя магия будет сопротивляться, будет пытаться поглотить тебя, будет испытывать тебя на прочность. И твоя кровь будет ее главным союзником. Она будет гореть, она будет кипеть, она будет требовать выхода. И ты должна будешь научиться направлять этот огонь, а не позволять ему сжигать тебя. Ты должна будешь научиться быть не жертвой, а госпожой.

Он подошел к ней и остановился напротив.

— Сегодня ты не смогла сделать даже шага, — сказал он. — Но это не поражение, принцесса. Это урок. Цена крови — это боль. Цена свободы — это борьба. И если ты готова платить эту цену, если ты готова бороться, то я научу тебя. Но если ты сдашься при первой же неудаче, если ты решишь, что безопасность золотой клетки предпочтительнее опасности свободы, то лучше скажи мне об этом сейчас, чтобы мы не тратили время друг друга.

Элизабет подняла на него глаза. Ее руки все еще дрожали, а сердце колотилось как бешеное, но внутри нее разгорался огонь упрямства, тот самый огонь, который помогал ей выживать все эти годы в золотой клетке. Она не сдастся. Она не вернется в клетку. Она докажет ему, что она не слабая изнеженная принцесса. Она докажет себе, что она способна на большее. Пусть это будет трудно, пусть это будет больно, пусть это будет страшно — но она пройдет этот путь до конца.

— Я готова, — произнесла она, и в ее голосе не было ни капли сомнения. — Начнем. Немедленно. Я не намерена тратить время на сомнения и страхи. Они у меня были всю жизнь, и я устала от них. Если боль — это цена свободы, я заплачу ее. Всю, без остатка.

Кайрус посмотрел на нее долгим, оценивающим взглядом, и на его губах появилась едва заметная улыбка, на этот раз — без иронии, без насмешки. Это была улыбка человека, который увидел то, что надеялся увидеть.

— Тогда начнем, — произнес он. — Но помни, принцесса: то, что ты почувствовала сейчас, — это лишь малая часть того, что тебе предстоит пережить. Не обманывай себя иллюзиями. Путь, на который ты вступаешь, не имеет конца. Каждая новая ступень будет выше и опаснее предыдущей. Но с каждой ступенью ты будешь становиться сильнее.

Он повернулся и сделал жест, приглашая ее следовать за ним в глубину сада, туда, где деревья стояли еще плотнее, а лунный свет почти не проникал сквозь их кроны. Элизабет, не колеблясь, шагнула за ним, чувствуя, как прохладный ночной воздух касается ее разгоряченного лица. Где-то глубоко внутри нее, под слоями страха и неуверенности, зарождалось нечто новое — робкая, но настойчивая надежда.

Глава 3. Уроки смирения

Прошел ровно месяц с той самой ночи, когда Элизабет впервые встретила с Кайрусом у старого, полуразрушенного фонтана, увитого плющом и покрытого серебристой паутиной, сверкающей в лунном свете, словно тончайшее кружево. Месяц — тридцать один день и тридцать одна ночь, каждая из которых, казалось, была наполнена до краев болью, страхом и изнурительными тренировками, выматывающими ее до предела, до темных кругов под глазами, до дрожи в руках, до такой всепоглощающей усталости, что она засыпала, едва коснувшись головной подушки, проваливаясь в глубокую, беспокойную тьму, наполненную обрывками заклинаний, и просыпалась с первыми лучами рассвета, чтобы снова, словно заведенный механизм, отправиться в заброшенный сад, ставший для нее одновременно и адом, и убежищем, и местом, где она медленно, мучительно перерождалась.

Эти недели слились для нее в один бесконечный, изматывающий марафон, монотонный и беспощадный, где каждый день был до боли похож на предыдущий, а каждая ночь приносила новые испытания, новые открытия и новые разочарования, которые, словно капли воды, точащие камень, постепенно разрушали ее прежние представления о себе, о магии, о мире. Она больше не помнила, что значит просыпаться отдохнувшей, что значит не чувствовать эту тупую, ноющую боль в каждой мышце, в каждом суставе, в каждом нерве, что значит не ощущать этой постоянной, изматывающей усталости, которая, казалось, пропитала каждую клеточку ее тела, стала частью ее самой, как кровь, текущая по венам, как воздух, наполняющий легкие.

Днем она по-прежнему играла роль принцессы — улыбалась, кланялась, выслушивала бесконечные, утомительные разговоры о браке и политике, о союзах и интригах, о том, какой принц из соседнего королевства был бы наиболее выгодной партией, присутствовала на бесконечных церемониях и приемах, где каждое ее движение, каждый взгляд, каждое слово, каждый жест подвергались тщательному, придирчивому анализу придворных сплетников, которые, словно стервятники, кружили вокруг нее в поисках малейшего признака слабости, малейшего повода для пересудов.

Это было утомительно, унижительно и бессмысленно, эта вечная игра в маски, эта вечная необходимость быть не собой, а тем образом, который от нее ожидали увидеть. Но она научилась скрывать свои истинные чувства за маской вежливого безразличия, научилась улыбаться, когда хотелось кричать, научилась молчать, когда хотелось возражать, научилась быть идеальной принцессой, которой на самом деле не была и быть не хотела.

И все же, несмотря на все это, все ее мысли, все ее стремления, все ее надежды были заняты другим. Она жила от ночи к ночи, от тренировки к тренировке, и эти ночи стали для нее глотком свежего воздуха в удушающей атмосфере дворца, тем единственным временем, когда она могла быть собой, когда она могла сбросить маску и позволить своей истинной сущности вырваться наружу. Только там, в заброшенном саду, под холодным, равнодушным светом звезд, среди заросших травой дорожек и разрушенных статуй, она чувствовала себя по-настоящему живой, по-настоящему собой, по-настоящему свободной.

Только там она не была принцессой, запертой в золотой клетке дворцового этикета. Только там она была просто ученицей, пытающейся постичь тайны магии, которыми она обладала по праву рождения, но которыми так и не научилась управлять.

Кайрус оказался суровым, требовательным учителем, беспощадным в своей прямоте и неумолимым в своих требованиях. Он никогда не хвалил ее, никогда не выражал удовлетворения ее успехами, никогда не позволял ей расслабиться хотя бы на мгновение, хотя бы на секунду, хотя бы на один короткий вздох облегчения. Его метод обучения был безжалостен,

лишен каких-либо сантиментов и поблажек, словно он задался целью не просто научить ее магии, но и переломать, переплавить, перековать ее характер.

Каждое ее достижение, каждый ее успех, каждый ее маленький шаг вперед он встречал новым, еще более сложным заданием, которое заставляло ее выходить за пределы своих возможностей, преодолевать себя, снова и снова доказывать, что она способна на большее, что она не сломается, что она выдержит. А каждую ошибку, каждый промах, каждую неудачу он разбирал с такой безжалостной точностью, с таким холодным, клиническим анализом, что у нее порой опускались руки и хотелось все бросить, сдаться, признать свое поражение.

Он не просто указывал на ее промахи — он препарировал их, раскладывал по косточкам, показывал ей, где именно она ошиблась, почему она ошиблась и к каким катастрофическим последствиям могла бы привести эта ошибка в реальном бою, где на кону стояла бы не ее гордость, а ее жизнь. Это было жестоко, это было больно, это было унижительно, но, как она с каждым днем все яснее понимала, это было эффективно.

Она ненавидела его в эти моменты, ненавидела его холодность, его бесстрастность, его неспособность или нежелание проявить хотя бы каплю сочувствия, но в глубине души, в том самом потаенном уголке, где еще жила ее бывшая гордость, она понимала, что именно такая безжалостность, именно такая суровость ей и нужна, что именно такой учитель может превратить ее из неуклюжей, самоуверенной девчонки в настоящего мага.

Она не сдавалась, не опускала руки, не позволяла себе проявить слабость. Она вцепилась в это обучение, как утопающий хватается за соломинку, как путник в пустыне хватается за последнюю каплю воды, как приговоренный к смерти хватается за последнюю надежду на помилование. Потому что знала, чувствовала каждой клеточкой своего существа: это ее единственный шанс, единственный путь к свободе, к пониманию себя, к обретению контроля над той силой, что бурлила в ее крови, грозя в любой момент вырваться наружу и уничтожить все вокруг, все, что ей дорого, все, что она любит.

Каждый раз, когда ей казалось, что она больше не может, что ее тело вот-вот откажется подчиняться, что ее разум вот-вот взорвется от перенапряжения, что ее воля вот-вот сломается под натиском усталости и отчаяния, она вспоминала тот ужас, тот животный страх, то ощущение полной беспомощности, которое она испытала в ночь своего первого магического выброса, когда ее сила вышла из-под контроля, когда она впервые осознала, насколько она опасна для окружающих. И это воспоминание придавало ей сил, заставляло ее продолжать, заставляло ее снова и снова подниматься с колен и идти вперед.

Она не могла позволить себе быть слабой, не могла позволить себе сдаться, не могла позволить себе остановиться. Слишком многое было поставлено на карту, слишком высока была цена возможного поражения. Ее свобода, ее будущее, ее жизнь, жизни тех, кто мог пострадать от ее неконтролируемой силы, — все это зависело от того, сможет ли она обуздать свой дар, сможет ли она превратить его из проклятия в благословение, сможет ли она стать хозяйкой своей магии, а не ее рабыней.

За этот месяц она многому научилась, и, оглядываясь назад, она сама поражалась тому, какой огромный путь ей удалось пройти. Она больше не позволяла своей магии вырываться наружу бесконтрольными взрывами, которые отбрасывали ее на землю, словно тряпичную куклу, и оставляли после себя выжженные пятна на траве, глубокие кратеры в земле и обугленные ветви деревьев.

Эти первые недели были самыми трудными, самыми болезненными, самыми отчаянными — ее тело не привыкло к таким нагрузкам, ее разум не привык к такой концентрации, ее магия не привыкла к такому контролю. Каждый раз, когда она пыталась удержать энергию, та норовила выскользнуть, разлиться, взорваться, причиняя ей острую, пронзительную боль и оставляя после себя разрушения, которые, казалось, насмехались над ее беспомощностью.

Но постепенно, шаг за шагом, миллиметр за миллиметром, она научилась направлять ее, сдерживать, придавать ей форму, пусть пока и несовершенную, пусть пока и грубую, но уже более управляемую, уже более послушную, уже более податливую ее воле. Это был медленный, мучительный процесс, похожий на укрощение дикого зверя, но прогресс был, и она чувствовала его, ощущала в каждом удачном заклинании, в каждом сдержанном порыве, в каждом мгновении контроля.

Кайрус заставлял ее часами сидеть неподвижно, сосредотачиваясь на ощущении магии внутри, на ее течении, на ее пульсе, который, как она с удивлением обнаружила, действительно бился в такт с ее сердцем, в такт с ее дыханием, в такт с самой жизнью, текущей в ее жилах.

Это были самые трудные часы, самые мучительные, самые изнурительные — сидеть в полной неподвижности, когда все тело требует движения, когда разум мечется от одной мысли к другой, когда кажется, что еще немного, и ты сойдешь с ума от этой монотонности, от этой тишины, от этой неподвижности. Но именно в эти часы, в эти моменты вынужденного покоя, она начала по-настоящему понимать свою магию, чувствовать ее, сливаться с ней, становиться с ней единым целым.

Она обнаружила, что ее сила — это не просто абстрактная энергия, не просто безликая мощь, а нечто живое, дышащее, пульсирующее, имеющее свой характер, свой нрав, свои капризы и свои желания. Это было похоже на знакомство с диким зверем, который жил внутри нее, который был частью ее, но при этом оставался отдельным существом, со своей волей, со своими инстинктами, со своими страхами и желаниями. И чтобы управлять этой силой, нужно было сначала понять ее, принять ее, установить с ней связь, найти с ней общий язык, заслужить ее доверие и уважение. Это было похоже на укрощение дикого коня, который мог либо позволить себя оседлать, либо сбросить наездника и растоптать его копытами.

Он заставлял ее повторять одни и те же упражнения снова и снова, до изнеможения, до полного истощения, до тех пор, пока они не становились частью ее самой, пока ее тело не начинало выполнять их инстинктивно, без участия разума, на уровне рефлексов, на уровне мышечной памяти. Бесконечные повторения, бесконечные попытки, бесконечные неудачи — все это было частью его метода, частью его плана по ее перевоспитанию.

Он не верил в быстрые результаты, не верил в легкие пути, не верил в чудеса. Он верил только в упорный, методичный, изнурительный труд, который, в конце концов, должен был принести свои плоды, должен был превратить ее из неотесанной деревенщины в утонченного мастера. И постепенно, шаг за шагом, незаметно для себя самой, она начала чувствовать, что ее магия перестает быть диким зверем, готовым разорвать ее изнутри, перестает быть неуправляемой стихией, грозящей уничтожить все вокруг.

Она становилась... послушной. Нет, не покорной, не раболепной, но управляемой, подчиняющейся ее воле, отзывающейся на ее зов. Как боевой конь, который признал в ней наездника, но при этом все еще сохранял свою мощь и свой нрав, готовый в любой момент сбросить седока, если тот проявит слабость или неуверенность, если тот на мгновение потеряет контроль, если тот позволит себе расслабиться. Это было хрупкое, шаткое равновесие, которое нужно было поддерживать постоянно, каждую секунду, каждое мгновение, и которое могло быть нарушено в любой момент одной-единственной ошибкой.

И все же, несмотря на весь прогресс, несмотря на все ее достижения, Элизабет чувствовала, что ей чего-то не хватает, чего-то важного, чего-то основополагающего, без чего все ее усилия были тщетны. Она не могла понять, чего именно, но это чувство преследовало ее постоянно, как заноза, засевшая глубоко под кожей, как назойливая мысль, от которой невозможно избавиться, как смутное предчувствие надвигающейся беды.

Она была принцессой, в ее жилах текла королевская кровь, ее магия была древней и могущественной, ее потенциал был огромен, но при этом она ощущала себя... неуклюжей, неловкой, словно слон в посудной лавке. Неумелой. Недостаточно хорошей.

Ее заклинания выходили мощными, но грубыми, как удары кузнечного молота, способные сокрушить стену, но не способные вдеть нитку в иголку. Ей не хватало изящества, точности, той тонкой работы, которую она видела у придворных магов, плетущих сложнейшие конструкции из чистой энергии, создающих произведения искусства, которые были столь же прекрасны, сколь и функциональны, столь же изящны, сколь и эффективны.

Она словно пыталась рисовать картину кистью, которая была ей велика, и мазки получались размашистыми, неряшливыми, лишенными утонченности. Ее магия была подобна неотесанному алмазу — драгоценному, но необработанному, не раскрывшему еще своего истинного блеска, своей истинной красоты, своей истинной ценности.

И она не знала, как исправить это, как придать своей силе ту утонченность, которой ей так не хватало, как превратить свой неотесанный алмаз в сияющий бриллиант. Кайрус, казалось, понимал ее затруднения, видел ее мучения, но не спешил ей помогать, не спешил давать готовые ответы, не спешил облегчать ее путь. Он лишь наблюдал за ее попытками с тем же бесстрастным выражением лица, с тем же холодным, оценивающим взглядом, время от времени давая короткие, отрывистые указания, которые не столько помогали, сколько сбивали с толку, не столько проясняли ситуацию, сколько запутывали ее еще больше.

Его метод, по-видимому, заключался в том, чтобы позволить ей самой нащупать правильный путь, самой набить шишки, самой извлечь уроки из своих ошибок, самой прийти к пониманию. И она ненавидела его за это, ненавидела его скрытность, его нежелание делиться знаниями, его веру в то, что она должна до всего дойти сама. Но в то же время, в глубине души, она понимала, что именно так и закаляется характер, именно так и рождается настоящий мастер, именно так и появляется та самая внутренняя сила, которую невозможно получить извне, которую можно только вырастить внутри себя.

И однажды, когда она в очередной раз не смогла удержать плетение, которое рассыпалось у нее в руках, как рассыпается песок сквозь пальцы, как рассыпается сухая листва под порывом осеннего ветра, он произнес то, что изменило все, то, что перевернуло ее представление о себе и о своей магии, то, что стало отправной точкой нового этапа ее обучения.

— Тебе не хватает дисциплины, — сказал он, и его голос, тихий и ровный, прозвучал в тишине заброшенного сада, как удар колокола. — Дисциплины ума и дисциплины тела. Твоя магия — это дар, но без дисциплины он останется лишь грубой силой, бесполезной в настоящем бою. Здесь, — он обвел рукой заброшенный сад, этот молчаливый свидетель ее мучений и ее триумфов, — ты научилась не взрываться. Но этого недостаточно. Ты должна научиться быть точной. А для этого тебе нужно увидеть, как это делают другие.

Элизабет не сразу поняла, что он имеет в виду. Другие? Какие другие? У нее не было возможности видеть, как тренируются придворные маги, — это было закрыто для посторонних, окутано тайной, скрыто за стенами магической академии, и уж тем более для принцессы, которой вообще не следовало заниматься магией, которой, по мнению ее отца и всего королевского двора, следовало думать о замужестве и продолжении рода, а не о каких-то там заклинаниях. Королевский этикет, традиции, предрассудки — все это воздвигало непреодолимые барьеры между ней и миром магии, все это держало ее в неведении, лишало ее возможности учиться у тех, кто достиг вершин мастерства.

Ей было запрещено даже приближаться к тем залам, где тренировались королевские чародеи, не говоря уже о том, чтобы наблюдать за их занятиями, за их работой, за их искусством. И все же она знала, чувствовала, что Кайрус не бросает слов на ветер, что он говорит не просто так, что у него есть какой-то план. Если он говорил, что ей нужно увидеть, как тренируются другие, значит, он знал способ это устроить, значит, он знал место, где она могла бы получить то, чего ей так не хватало.

Но Кайрус, не вдаваясь в подробности, не объясняя, не рассказывая, что именно она увидит, просто велел ей прийти следующей ночью не в сад, а к старому, полуразрушенному

павильону, который находился на границе королевских владений, там, где сад переходил в лес, там, где цивилизация уступала место дикой природе. Этот павильон она помнила с детства — тогда он был одним из красивейших мест в королевском парке, местом, где устраивались летние балы и приемы, где звучала музыка и смех, где собирались самые знатные и богатые люди королевства. Но годы забвения сделали свое дело, и теперь от бывшего величия не осталось и следа: крыша частично обрушилась, стены поросли плющом, а полы были покрыты толстым слоем пыли и опавших листьев.

Она всегда считала это место заброшенным, мертвым, навсегда утратившим свое бывшее величие, навсегда погрузившимся в пучину забвения. И все же она пришла, снедаемая любопытством и тревогой, не зная, чего ожидать, но чувствуя, что впереди ее ждет нечто важное, нечто, что может изменить ее судьбу. Ночь была тихой и ясной, луна висела низко над горизонтом, заливая землю серебристым светом, который придавал всему вокруг призрачный, нереальный вид. Элизабет шла по знакомой, но в то же время чужой тропинке, и ее сердце билось быстрее, чем обычно, от предвкушения, от страха, от волнения.

То, что она увидела, превзошло все ее ожидания, разрушило все ее представления о том, что возможно и что невозможно. Павильон, который она считала заброшенным, оказался вовсе не таким пустым, каким выглядел снаружи. Подойдя ближе, она заметила слабое свечение, пробивающееся сквозь щели в каменных стенах, и услышала приглушенные голоса, доносящиеся изнутри. Сердце ее забилось еще быстрее — от волнения, от любопытства, от страха перед неизвестностью, перед тем, что ждало ее за этими стенами. Что скрывается за этой древней каменной кладкой? Какие тайны хранит этот полуразрушенный павильон? И кто те люди, чьи голоса она слышала, чьи тени мелькали в окнах?

Кайрус ждал ее у входа, и, увидев ее, коротко кивнул, приглашая следовать за ним. Его лицо было, как всегда, непроницаемым, как всегда, лишенным каких-либо эмоций, но в глазах, как ей показалось, мелькнуло нечто, похожее на предвкушение, на удовлетворение, на ожидание того момента, когда она увидит то, что он для нее приготовил. Он не произнес ни слова, не дал никаких объяснений, просто повернулся и пошел внутрь, и ей ничего не оставалось, как последовать за ним в неизвестность.

Внутри павильона, скрытого от посторонних глаз мощным иллюзорным барьером, который Кайрус создал, как она поняла, специально для этого места, кипела жизнь, бурлила энергия, пульсировала магия. Здесь тренировались маги. Но не придворные чародеи в их роскошных мантиях, расшитых рунами и драгоценными камнями, не магистры в их величественных одеяниях, не те, кто достиг вершин мастерства и купался в лучах славы и почета. Это были ученики. Ученики Избранных.

Те, кто еще только постигал азы магического искусства, те, кто еще не достиг вершин мастерства, но уже ступил на этот тернистый путь, те, кто еще только учился управлять своей силой. И то, что она увидела, заставило ее замереть на месте, затаить дыхание, широко раскрыть глаза от удивления и восхищения.

Элизабет замерла на пороге, оглядываясь по сторонам, пытаясь осмыслить открывшуюся перед ней картину, пытаясь впитать в себя каждую деталь, каждый звук, каждый запах, каждое ощущение. Зал павильона был огромным, гораздо больше, чем можно было предположить снаружи, с высоким куполообразным потолком, на котором, казалось, было выгравировано сложнейшее заклинание, усиливающее магическую энергию, создающее особую атмосферу, способствующую концентрации и обучению.

Вдоль стен стояли стеллажи с книгами, свитками и магическими артефактами, мерцающими в полумраке загадочным светом, а в центре зала, на гладком каменном полу, отполированном до блеска тысячами ног, тренировались несколько молодых людей, одетых в простые серые одежды, лишенные каких-либо украшений и знаков отличия.

Среди них были и юноши, и девушки, и все они, как с удивлением заметила Элизабет, были разного происхождения, разного сословия, разного положения в обществе. Не только аристократы, не только выходцы из знатных семей, но и, судя по всему, простолюдины, которые, по всем законам королевства, вообще не имели права заниматься магией, которым было запрещено даже мечтать о том, чтобы развивать свой дар. Это было... невероятно. Это было против правил. Это было против традиций. Это было против всего, во что она верила, чему ее учили с детства. Но при этом это вызывало у нее не возмущение, не негодование, а странное, щемящее чувство зависти, смешанное с восхищением.

Эти люди, эти ученики, не были заперты в золотых клетках, не были скованы цепями этикета и общественного мнения. Они могли свободно развивать свой дар, свободно идти по выбранному пути, свободно становиться теми, кем они должны были стать. Они были свободны, и эта свобода, эта возможность быть собой, эта возможность следовать своему предназначению была тем, чего Элизабет была лишена с самого рождения. И она завидовала им, завидовала их свободе, завидовала их возможности учиться, завидовала их праву на собственный выбор.

Кайрус провел ее через зал, и ученики, заметив его, почтительно склоняли головы, приветствуя своего наставника, но при этом бросали на Элизабет любопытные, а иногда и откровенно враждебные взгляды, взгляды, полные недоверия и подозрения. Она чувствовала себя здесь чужой, белой вороной, принцессой, случайно попавшей в мир, который ей не принадлежал, в мир, где ее титул не имел никакого значения, где ценились не происхождение и богатство, а талант, упорство и трудолюбие.

Ей хотелось развернуться и уйти, скрыться от этих взглядов, от этого чувства собственной неуместности, от этого ощущения, что она здесь лишняя. Но гордость не позволяла, гордость, унаследованная от бесчисленных поколений королей и королев, гордость, которая не позволяла ей отступать перед трудностями.

Она пришла сюда учиться, и она будет учиться, чего бы ей это ни стоило, сколько бы унижений ей ни пришлось пережить. Она не позволит этим людям увидеть ее слабость, ее неуверенность, ее страх. Она принцесса, и она будет вести себя как принцесса, даже если внутри нее все дрожит, даже если сердце колотится где-то в горле, даже если ей хочется провалиться сквозь землю.

Кайрус подвел ее к одному из учеников, который тренировался в дальнем углу зала, в стороне от остальных, погруженный в свои занятия. Это был молодой человек примерно ее возраста, худощавый, но жилистый, с каштановыми волосами, небрежно спадавшими на лоб, и серыми глазами, в которых читались сосредоточенность и спокойствие, та самая внутренняя гармония, которой так не хватало Элизабет.

Он был одет в ту же простую серую одежду, что и остальные ученики, и на первый взгляд ничем не выделялся, ничем не привлекал к себе внимания. Но Элизабет сразу заметила, как он работает с магией, сразу почувствовала, что перед ней не просто ученик, а настоящий мастер, человек, который достиг того уровня контроля, о котором она могла только мечтать.

Вокруг его рук плясали маленькие, едва заметные огоньки, которые складывались в сложнейшие узоры, рассыпались и вновь собирались, повинаясь малейшему движению его пальцев, малейшему изменению его воли. Это было гипнотизирующее зрелище, завораживающее своей красотой и точностью, полное той самой точности и изящества, которых ей так не хватало. Каждое его движение было выверенным, отточенным, доведенным до совершенства, до автоматизма, до уровня рефлекса. Он не тратил ни капли энергии впустую, каждый жест был функционален, каждое заклинание было произведением искусства, каждое движение было исполнено смысла и цели.

— Это Лиам, — произнес Кайрус, и в его голосе Элизабет впервые уловила нотку уважения, ту самую нотку, которую он никогда не проявлял по отношению к ней. — Один из лучших учеников в моей группе. Он будет твоим спарринг-партнером на сегодня.

Элизабет перевела взгляд с Кайруса на Лиам и снова на Кайруса, пытаясь осознать услышанное. Спарринг? Она думала, что будет просто наблюдать, смотреть, как тренируются другие, впитывать знания, учиться на чужом примере. Она не была готова к поединку, тем более с кем-то, кто явно превосходил ее в технике, кто достиг того уровня мастерства, о котором она даже не смела мечтать. Эта перспектива пугала ее, заставляла сердце биться быстрее, а руки — холодеть от волнения, а в горле — пересыхать от страха. Она еще никогда не сражалась против настоящего мага, против того, кто действительно умеет управлять своей силой, против того, кто может ответить на ее атаку не менее мощной контратакой.

Все ее тренировки с Кайрусом были сосредоточены на контроле, на сдерживании, на основах, на самых базовых вещах, которые казались ей теперь такими простыми и незначительными. Она еще не была готова к полноценному поединку, к настоящему бою, к проверке своих сил в реальном противостоянии.

— Я не уверена, что готова, — произнесла она, и в ее голосе, против ее воли, прозвучало сомнение, прозвучал страх, прозвучала неуверенность в собственных силах.

Кайрус даже не удостоил ее ответом, даже не взглянул на нее, даже не сделал вида, что услышал ее слова. Он просто отошел в сторону, освобождая место для поединка, отступая в тень, становясь наблюдателем. Его молчание было красноречивее любых слов, его бездействие было ответом на все ее возражения. Он не собирался спорить с ней, не собирался уговаривать ее, не собирался давать ей время на подготовку, на то, чтобы собраться с мыслями, на то, чтобы преодолеть свой страх. Он просто создал ситуацию, в которой у нее не было выбора, кроме как сражаться, в которой отступление было равносильно поражению, в которой ей пришлось бы либо принять вызов, либо признать свою слабость перед всеми этими учениками.

И она понимала, что это тоже часть урока, часть его жестокого, но эффективного метода обучения. Урок о том, что в реальном бою у тебя не будет времени на сомнения и колебания, что в реальной жизни тебе придется принимать решения мгновенно, не имея возможности все обдумать и взвесить. Урок о том, что ты должна быть готова в любой момент, независимо от того, чувствуешь ли ты себя готовой, независимо от того, хочешь ли ты сражаться, независимо от того, боишься ли ты своего противника.

Лиам, закончив свое упражнение, повернулся к ней и слегка поклонился, и в этом поклоне не было ни подобострастия, ни лести, ни желания угодить. Это был поклон равного, поклон уважения, поклон, в котором читалось признание ее права на поединок. Его лицо было спокойным, даже дружелюбным, но в глазах мелькнуло нечто, похожее на любопытство, на интерес, на желание понять, что она из себя представляет.

Он изучал ее, оценивал, пытался понять, с кем ему предстоит сражаться, каков ее уровень, каковы ее сильные и слабые стороны. И в его взгляде не было ни подобострастия, ни высокомерия — только спокойный, аналитический интерес, тот самый интерес, с которым мастер смотрит на необработанный камень, пытаясь угадать, какой бриллиант из него получится.

— Ваше Высочество, — произнес он, и его голос, низкий и ровный, звучал без тени подобострастия, без тени лести, без тени желания угодить. — Для меня честь быть вашим противником.

Элизабет натянуто улыбнулась, чувствуя, как внутри все сжимается от предчувствия неминуемого поражения, от ощущения того, что она вступает в бой, который не сможет выиграть. Она не была готова, она знала, что не была готова, она чувствовала это каждой клеточкой своего тела, каждой мыслью, каждым ударом сердца. Но отступать было поздно, пути назад не было, и ей оставалось только принять вызов и сражаться до конца, даже если этот конец будет для нее унижительным поражением.

Она вышла в центр зала, встав напротив Лиамы, и попыталась собраться с мыслями, попыталась успокоить бешено колотящееся сердце, попыталась взять себя в руки. Она вспомнила все, чему учил ее Кайрус: сосредоточиться, почувствовать магию, направить ее, не позволить ей вырваться из-под контроля.

Она глубоко вздохнула, наполняя легкие воздухом, и призвала свою силу, чувствуя, как энергия разливается по телу, наполняя каждую клеточку мощью, как древняя, могущественная сила пробуждается в ее крови, готовая обрушиться на противника. По крайней мере, она будет сражаться, она не сдастся без боя, она покажет, на что способна, даже если этого окажется недостаточно для победы.

Поединок начался, и с первых же секунд стало ясно, что силы неравны, что Лиям находится на совершенно другом уровне, что он играет с ней, как кошка с мышкой. Он не атаковал первым, не стремился подавить ее своей мощью, не пытался ошеломить ее натиском. Он стоял спокойно, наблюдая за ней, ожидая, пока она сделает первый шаг, пока она раскроет свои карты, пока она покажет, на что способна. Его поза была расслабленной, но в то же время собранной, как у хищника, готового в любой момент броситься на добычу, как у змеи, затаившейся перед решающим броском. И она сделала этот шаг, не выдержав напряжения, не выдержав ожидания, не выдержав этого спокойного, изучающего взгляда.

Она выбросила вперед руку, и с ее ладони сорвался поток синего пламени, устремившийся к Лиаме с невероятной скоростью, оставляя за собой след из искр и обжигая воздух. Это была мощная, концентрированная атака, которая, как она думала, должна была заставить его врасплох, должна была пробить его защиту, должна была показать ему, на что она способна. Она вложила в нее все свое умение, всю свою силу, всю свою решимость, всю свою ярость, которая накопилась в ней за эти месяцы унижений и тренировок.

Но Лиям даже не шевельнулся, даже не изменил выражения лица, даже не моргнул. В последний момент, за долю секунды до того, как пламя должно было достичь его, он поднял руку, и вокруг его ладони вспыхнул едва заметный щит, тонкая, полупрозрачная пленка магии, которая легко, словно играючи, рассеяла ее атаку. Синее пламя разлетелось в стороны, опалив каменный пол, оставив на нем черные следы, но не причинив Лиаме ни малейшего вреда. Элизабет опешила, замерла на мгновение, не в силах поверить в то, что произошло. Она вложила в эту атаку столько силы, сколько могла, она выложилась полностью, она отдала все, что у нее было, и все это было отражено одним движением руки, одним легким жестом, одним едва заметным усилием. Это было невероятно, это было унижительно, это было... поучительно.

Она снова атаковала, на этот раз с двух рук, посылая в Лиаму целый веер энергетических стрел, которые должны были поразить его со всех сторон, не оставив ему путей для отступления. Но и эта атака была отбита, отражена, рассеяна. Лиям двигался с потрясающей, почти нечеловеческой скоростью, его щиты вспыхивали в нужных местах в нужное время, его тело уклонялось от каждой стрелы, словно он заранее знал, куда они полетят, словно он читал ее мысли, словно он предвидел каждое ее действие. Он не атаковал в ответ, он просто защищался, но эта защита была настолько совершенной, настолько экономичной, настолько безупречной, что Элизабет почувствовала отчаяние, почувствовала, как ее решимость тает, как ее надежда на победу угасает.

Она тратила всю свою мощь, весь свой запас, всю свою энергию, а он расходовал лишь крохи своей, лишь малую толику своих сил. Это было похоже на то, как если бы она пыталась сокрушить скалу ударами кулаков — бесполезно, больно и глупо. Она была подобна волне, бьющейся о несокрушимый утес, которая разбивается о него, не оставляя ни малейшего следа, в то время как утес стоит непоколебимо, равнодушный к ее тщетным усилиям.

Так продолжалось несколько минут, которые показались ей вечностью, несколько минут, наполненных болью, отчаянием и унижением. Элизабет атаковала снова и снова, вкладывая в каждую атаку все больше силы, все больше ярости, все больше отчаяния, но результат был

один и тот же, неизменный, как закон природы. Ее магия разбивалась о защиту Лиамы, как волны о скалу, как дождь о каменную стену.

Она начала уставать, ее дыхание сбилось, стало тяжелым и прерывистым, а руки дрожали от напряжения, от перенапряжения, от нехватки сил. Ее запас силы был огромен, но она расходовала его бездумно, бездарно, расточительно, в то время как Лиам, казалось, вообще не уставал, казалось, не прилагал никаких усилий для защиты.

Его движения были все такими же точными, его щиты все такими же крепкими, а его глаза все так же спокойны, все так же невозмутимы. И это спокойствие раздражало ее больше всего, бесило ее, выводило из себя. Он смотрел на нее с тем же выражением, что и в начале поединка, как будто все ее усилия были не более чем легким ветерком, который он без труда отводил в сторону, как будто она была не противницей, а назойливой мухой, от которой он просто отмахивается.

И тогда Элизабет совершила ошибку, ту самую ошибку, которую она будет помнить еще долго, ту самую ошибку, которая станет для нее уроком на всю жизнь. Она решила, что ей нужно вложить в атаку все, что у нее осталось, всю свою силу, всю свою ярость, всю свою гордость, всю свою уязвленную честь. Она закричала, и из ее тела вырвалась волна чистой энергии, ослепительная, разрушительная, способная, как ей казалось, снести все на своем пути, способная смести Лиаму, способная доказать ему и всем остальным, что она не так проста, что она чего-то стоит. Это была атака отчаяния, атака, рожденная не расчетом, а эмоциями, атака, которая должна была показать Лиаме, на что она способна, когда ее загоняют в угол.

Но Лиам не стал блокировать эту атаку, не стал тратить силы на то, чтобы отразить эту разрушительную волну. Он просто шагнул в сторону, легко и грациозно, словно танцуя, и волна, пролетев мимо него, врезалась в стену павильона, оставив на ней глубокую выбоину, осыпав все вокруг каменной крошкой. А в следующее мгновение Лиам оказался рядом с ней, материализовался из воздуха, словно призрак, и она почувствовала, как что-то холодное и твердое упирается ей в грудь, в самое солнечное сплетение.

Она опустила глаза и увидела, что это был всего лишь палец, но палец, окруженный тонкой, едва заметной пленкой магии, палец, который был смертоноснее любого клинка. Один палец, направленный точно в солнечное сплетение, точно в ту точку, удар в которую мог бы быть смертельным. Если бы он захотел, он мог бы пронзить ее насквозь, не прикладывая почти никаких усилий, мог бы убить ее одним движением, одним легким касанием. Она проиграла. Проиграла вчистую, безоговорочно, унижительно. Ее огромная сила, ее королевская кровь, ее магический потенциал — все это оказалось бесполезным против человека, который просто умел правильно распоряжаться тем, что имел, против человека, который был слабее ее по запасу магии, но сильнее по умению ею управлять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.